

Священник Максим Сорокин

ЖИЗНЬ УЧЕНОГО В ЭМИГРАЦИИ. ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА КАЖДАНА И ФЭРИ ФОН ЛИЛИЕНФЕЛЬД

В данной работе впервые публикуются письма из личной корреспонденции двух видных ученых: советского и американского византиниста Александра Петровича Каждана и немецкого церковного историка Фэри фон Лилиенфельд. Представленные письма содержат в себе богатый автобиографический материал из жизни и творчества обоих ученых. Переписка показывает крепкую и многолетнюю дружбу этих двух людей, которые порой расходились в своих научных оценках и мировоззрении. В публикации приводятся главным образом письма А. П. Каждана на русском языке, написанные в период после его эмиграции в США, в которых он делится мыслями о новом в своей жизни. Данная публикация дополняет ранее опубликованные его письма к разным людям. Лейтмотивом представленных писем служат переживания А. П. Каждана о сложностях новой жизни в эмиграции, а также удовлетворение от новых возможностей и научного признания.

Ключевые слова: Александр Петрович Каждан, Фэри фон Лилиенфельд, византистика, личная переписка, эмиграция, Америка, *Dumbarton Oaks*.

В 2017 г. исполняется 20 лет со дня кончины Александра Петровича Каждана (1922–1997) и 100 лет со дня рождения Фэри фон Лилиенфельд (1917–2009). Александр Петрович Каждан — один из крупнейших специалистов в мировой византистике XX века, на протяжении более чем 20 лет работал в Секторе византиноведения Института всеобщей истории АН СССР (1956–1978), и после эмиграции почти столько же лет проработал в научно-исследовательском центре Дамбартон Оукс в Вашингтоне (1979–1997)¹. Фэри фон Лилиенфельд — церковный историк, профессор университета г. Эрлангена в Германии (1967–1984), специализировалась на изучении истории Восточных Церквей². Наряду с богословием в область ее интересов входили славистика и византистика³. Ф. фон Ли-

¹ Подробнее о нем см.: Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения / *отв. ред. А. А. Чекалова*. СПб., 2003; Чекалова А. А. Каждан Александр Петрович // Православная энциклопедия. 2012. Т. 29. С. 96–99.

² Подробнее о ней см.: Брискина-Мюллер А. А. Лилиенфельд Фэри фон // Православная энциклопедия. 2016. Т. 41. С. 65–67.

³ В письме А. П. Каждану от 19 июня 1966 г. Ф. фон Лилиенфельд пишет о себе: «Ich bin ja eigent-

лиенфельд регулярно участвовала в двусторонних богословских диалогах между Русской Православной Церковью и Евангелической Церковью Германии.

Первые контакты и личное знакомство А. П. Каждана и Фэри фон Лилиенфельд (или Вера Георгиевна, как она себя предпочитала называть) связаны с поездкой Александра Петровича в ГДР в конце 1965 г.⁴ С тех пор они находились в тесной и непрерывной переписке. Интенсивность их корреспонденции была такова, что уже в 1971 г. Ф. фон Лилиенфельд, поздравляя в очередной раз А. П. Каждана с Новым годом, отмечает, что их дружба стала настолько наполнена жизнью, что, кажется, они дружат целую вечность. Двусторонняя переписка осуществлялась непрерывно на протяжении практически 30-ти лет. При этом Ф. фон Лилиенфельд старалась писать по письму каждые две недели, всякий раз извиняясь, если не успевала держаться этого графика⁵. Вся эта обширная переписка, включая копии писем Ф. фон Лилиенфельд, находится в ее личном архиве среди прочих документов в Синодальной библиотеке в институте Восточных Церквей в здании богословского факультета в Эрлангене. Личный архив Ф. фон Лилиенфельд находится в необработанном состоянии. Личная корреспонденция А. П. Каждана и Ф. фон Лилиенфельд занимает две обширные папки и содержит 208 писем Александра Петровича и 119 копий писем Фэри фон Лилиенфельд, написанных в период с 1965 по 1994 гг. Письма представлены частью в рукописном, частью в машинописном виде на немецком и русском языках. Письма А. П. Каждана — часто без указания даты.

Содержание писем представляет собой богатый материал для биографии обоих ученых. В своих письмах друг другу они делятся подробностями о проведенном отпуске, состоянии здоровья близких, своем досуге и быте, об-

lich nur eine "Schmalspur" — Byzantinistin, die nur durch bestimmte Forschungen immer mehr vom slawistischen Gebiet einerseits, von meiner historischen Spezialität andererseits, in die Byzantinistik (und Orientalistik) "hineingerutscht" ist) [Я все-таки только «узкоколейный» византист, который «проскальзывает» в византистику (и ориенталистику) только через определенные исследования все больше из области славистики, с одной стороны, из моей исторической специальности, с другой стороны].

⁴ Ф. фон Лилиенфельд не раз с благодарностью вспоминала время их знакомства в своих последующих письмах. 6 декабря 1967 г. она пишет: «А еще я с благодарностью помню все наши важные разговоры... Два года — сколько это нам дало плодотворного обмена — сколько отнимает расстояние и противоречивость общественных систем! Непременно нужно будет и дальше сделать то, что в наших силах, для научного сотрудничества, для мира и взаимного понимания между народами и для преодоления общественных зол». 6 декабря 1975 г.: «Ist es doch ein großes Jubiläum unserer Freundschaft, dass wir feiern: 10 Jahre wissenschaftliche Bereicherung (jedenfalls für mich!)» [Все-таки это большой юбилей нашей дружбы, что мы празднуем: 10 лет научного обогащения (в любом случае для меня!)].

⁵ В письме от 14 апреля 1986 г. Ф. фон Лилиенфельд, несмотря на множество «спешных научных и церковных писем», формулирует непреложность написания очередного письма следующим образом: «Сегодня наступил наконец — и это, так сказать насильственно, — "день Кажданов"».

суждают литературу и поэзию, посещение музеев, театров и концертов. Развитие самой дружбы двух ученых можно проследить по изменению в обращении друг к другу от «*Sehr geehrte Frau Doktor*» и «*Lieber Alexander Petrovič*» в начале переписки к «Фэринька, родная» и «Дорогой мой Саня» спустя много лет. Нужно отметить, что переписка велась как на русском, так и на немецком языке, причем оба адресата, как носители языка, старались быть строгими корректорами. Одним из таких многочисленных примеров является письмо А. П. Каждана, посланное летом 1966 г.: «Разницы между “прошу Вас” и “попрошу Вас” семантической никакой нет. Грамотный человек скажет “прошу Вас” — “попрошу Вас” говорят обычно провинциальные чиновники». В свою очередь Ф. фон Лилиенфельд исправляла немецкие письма А. П. Каждана⁶.

Наряду с дружеской перепиской особый интерес вызывает научная сторона их корреспонденции. К ней можно отнести обмен мнениями по разным научным вопросам, повествования о своих научных планах, поездках и конференциях, обсуждение вышедших статей и монографий, характеристики современников. Отдельно нужно отметить, что корреспонденты регулярно снабжали друг друга актуальной научной литературой, издаваемой на их родине. В обмен на длинные списки заказов на новые исследования по византистике, вышедшие в Германии, А. П. Каждан неизменно отправлял почтой для Фэри фон Лилиенфельд очередные номера журналов «Византийский временник», «Вопросы и ответы», «Вопросы литературы», «Новый мир», «Наука и религия». При этом Александр Петрович всякий раз негодовал, когда получал от фон Лилиенфельд книги, которые он не заказывал и которые не имели прямого отношения к его исследованию. В своих письмах А. П. Каждан многократно просил рассматривать его «не как библиофила, а как византиста!»⁷

⁶ В письме от 1 января 1967 г. фон Лилиенфельд пишет: «Doch jetzt zu Ihrem deutschen Brief. Er ist in sehr anständigem Deutsch geschrieben. Was Ihnen manchmal Mühe macht, ist die deutsche Wortfolge, die ist ja aber auch schrecklich schwer! Ich wusste das nicht, ehe ich Deutsch-Unterricht erteilt hatte» [Все-таки теперь к Вашему немецкому письму. Оно написано на очень приличном немецком. Что Вам иногда доставляет трудности — так это немецкий порядок слов, который, однако, также ужасно сложен! Я этого не знала до тех пор, пока не начала преподавать уроки немецкого].

⁷ Судя по периодичности, с которой он к этому возвращается, такие казусы случались довольно часто. Так, А. П. Каждан пишет: «Was ich für meine Bibliothek brauche — ist Byzantinisches! Die Quellen und die reference-books, das soll vorauskommen» [Что мне для моей библиотеки нужно — это византийское! Источники и справочная литература — это должно идти в первую очередь]. Позже он снова напоминает об этом: «Очень прошу Вас, не обижайтесь на меня, но мне бы хотелось, чтобы Вы посылали мне только византиноведческие книги. Я знаю, как дороги книги в ФРГ, и мне просто обидно, что Вы тратите деньги на очень красивые и ценные книги, однако не имеющие для меня значения “рабочего инструмента”. Рассматривайте меня не как библиофила, а как византиста!» Спустя годы А. П. Каждан снова напишет: «Ну почему это так получается! Уходят бешеные деньги, и это ставит меня в неловкое положение — а польза для моей работы близка к нулю. И чем дальше, тем сложнее: книги первоочередные я у Вас уже и не прошу, по-

Разнообразие и широта научной дискуссии А. П. Каждана и Фэри фон Лилиенфельд удивляет: вопросы историчности Личности Иисуса Христа и послания апостола Павла; эпоха Возрождения и гуманизм; русская классическая литература XIX века и немецкая философия; фашизм и коммунизм. Главной темой дискуссии, разумеется, были Византия и византиноведение. На протяжении многих писем обсуждались вопросы, связанные с эпохой раннего христианства и роли императора Константина, темы иконоборчества, исихазма и паламизма. В переписке много внимания уделяется таким авторам, как прп. Симеон Новый Богослов и Никита Хониат. С интересом можно наблюдать, как реализуются новые идеи и пишутся новые статьи. Так, например, Каждан делится своим новым замыслом по поводу написания книги о двух днях из жизни Константинополя⁸.

Обмениваясь мнениями и аргументируя свою точку зрения, корреспонденты иногда доходили до спора, оставаясь хорошими друзьями. Подпись А. П. Каждана в конце одного из писем ярко характеризует такую ситуацию: «Ihrer ewiger Kritiker und Freund» [Ваш вечный критик и друг]. Нужно отметить, что корреспонденты относились к полярным мировоззренческим позициям в вопросах веры и религии. С одной стороны — советский ученый, «известный научный атеист», как А. П. Каждана в одном из писем называет Ф. фон Лилиенфельд⁹. С другой стороны — церковный историк, ординированный пастор Евангелической Церкви Германии, глубоко верующая христианка. В письме от 22 июня 1981 г. А. П. Каждан пишет, «насколько разный у нас с тобой подход к людям: для тебя каждый человек — творение Божие, и потому прекрасен, ты, если можно сказать, христианский демократ в оценке людей, я же аристократ и элитарист, ценю и уважаю очень немногих, но уж кого уважаю и ценю, так всей душой». В горячей дискуссии о методологии

тому что их либо не будет, либо они будут через два года... Когда я думаю, сколько книг по византиноведению я мог бы иметь, если бы Вы не покупали мне работы по истории религии, по истории Германии etc., etc., я просто хочу плакать. Фэри, дорогая, ну поймите, пожалуйста, я не библиофил, меня интересуют не картинки, не переплеты, — книга как необходимый рабочий инструмент. Только книга по византиноведению, и прежде всего источники и справочники, но также хорошие монографии. Не надо, пожалуйста, не надо других книг. А я ведь послал Вам два списка — и до сих пор ни одной книги из этих списков!»

⁸ Ср. письмо А. П. Каждана без даты: «В начале будущего года я буду делать еще одну книгу о Византии — большой альбом (180 иллюстраций) и текст. Я решил взять два дня из истории Византии — падение Андроника Комнина, — и через это событие, через характеристику действующих лиц, через анализ рассказа о них Никиты Хониата нарисовать специфику византийского общества и его культуры. Не как сумму разнородных явлений, но в динамике, в жизни, в борьбе. Посмотрим, что получится». Стоит отметить, что книга увидела свет лишь в 2002 г., после кончины А. П. Каждана: Два дня из жизни Константинополя. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с. (Византийская библиотека. Исследования).

⁹ Ср. письмо Ф. фон Лилиенфельд от 15 ноября 1972 г.: «...bekanntester wissenschaftlicher Atheist».

исторической науки Александр Петрович признается: «...то, что для Вас религия, для меня история». В сложный период времени фон Лилиенфельд, размышляя о старости и личной слабости, с печалью отмечает разность их мировоззрения и сожалеет, что большую часть своей внутренней религиозной жизни не может делить со своим близким другом¹⁰. В своих воспоминаниях Фэри фон Лилиенфельд отмечала два разных круга ее личных знакомств в России, которые между собой никак не пересекались: мир советских ученых и знакомства по церковной линии¹¹.

Отдельно нужно отметить тему, которой ученые касались в своей личной переписке многократно на протяжении всей своей многолетней дружбы. Сами корреспонденты называли эту дискуссию «их извечным спором». Речь идет о разном подходе в изучении творчества исторических личностей, а именно развитию и восприятию идей последующим поколением или «филиация идей». Уже в одном из первых своих писем конца 60-х гг. А. П. Каждан пишет: «Исследование всякого византийского автора возможно, так сказать, в двух плоскостях — поперечной и продольной. Под поперечной я имею в виду исследование в связи с современниками, под продольной — в связи с традицией. Мне кажется, что у Вас (да не только у Вас!) преобладает “продольный”, что для моих практических целей важнее (мне очень важно понять место Симеона в общей истории византийской мистики). Но интереснее — так мне кажется — “поперечное”, так сказать структурное, исследование, выяснение места данного автора в той эпохе, к которой он принадлежал, ибо одна и та же идея в разное время может иметь разный смысл».

Данный спор возникал не только по поводу обсуждения личности и трудов прп. Симеона Нового Богослова. Подобная дискуссия о восприятии традиции и влиянии идей ранних авторов поднималась при обсуждении многих других тем. Летом 1968 г. А. П. Каждан касается их «принципиального спора» в другой связи: «Мне любопытно было читать об использовании павловых цитат в “Апофтегмата патрум”. Мне кажется, что это подводит итоги нашим долгим спорам об отношении к традиции. Оказалось-то, что спора никакого нет, нет разногласия! Монахи вычитывали себе Павла таким, каким они хотели его представить! Да ведь именно это я всегда и утверждал: используя “фонтеc”, настоящее творит себе тот образ прошлого, который отвечает задачам настоящего».

¹⁰ Ср. письмо Ф. фон Лилиенфельд от 1 января 1982 г.: «Конечно, во все эти думы для меня входит и еще другой элемент, утешающий, но и беспокоящий, религия, эсхатологический взгляд на жизнь, который я не могу делить с тобой в разницу с более ранними годами нашей дружбы. Но это так с зимы 1973–74 года, и я привыкла к этому, но и сознаю, что есть большая часть моей напряженной внутренней жизни, которую я с тобой не могу делить».

¹¹ Жизнь, Церковь, наука и вера: проф. Фэри фон Лилиенфельд рассказывает о себе и своем видении православия и лютеранства: беседы с проф. Е. Верещагиным, 1996–2002. М., 2004. С. 118.

О своем споре корреспонденты вспоминали порой при чтении научных исследований, статей или книг. Так, находя новые аргументы, они спешили написать об этом друг другу¹². Разность точек зрения сводилась к разным акцентам в изучении исторических личностей и их трудов — в поиске их особенностей или выявлении следованию традиции. Осенью 1975 г. при обсуждении общности идей и заимствований в эпоху Ренессанса А. П. Каждан отмечает некоторое сближение точек зрения с фон Лилиенфельд: «Мне кажется, что этот вопрос имеет отношение и к нашему старому спору — о филиации идей, и что мы теперь находимся на пути к сближению точек зрения. Ибо если признать структурное единство большой эпохи, то для филиации идей остается только подсобное значение (чего и я не отрицаю): она помогает отливаться форме, но главное в эпохе восходит не “ад фонтес”, но коренится в ней самой, в специфике связей между составляющими ее феноменами, в их структурном единстве. Но мы еще поспорим обо всем этом».

Наряду с интересным и разносторонним обсуждением исторических событий многолетняя дискуссия выявляет разные методологические подходы в исторической науке. Кроме того, эта дискуссия двух ученых и друзей показывает высокую культуру научного спора и уважение к позиции оппонента.

Ниже впервые публикуются избранные письма А. П. Каждана и Фэри фон Лилиенфельд в период, когда А. П. Каждан находился в эмиграции. Тематически публикуемые письма объединены размышлениями и переживаниями о положении ученого за пределами родины. Письма Александра Петровича к разным адресатам частично уже публиковались¹³. Наша публикация дополняет автобиографические подробности жизни ученого в эмиграции. Главное содержание этих писем являет, с одной стороны, описание открывающихся возмож-

¹² А. П. Каждан пишет 9 ноября 1972 г. фон Лилиенфельд: «Я прочитал недавно интересную статью Н. Гарсоян в 25-м томе «Думбартон Оукс Пейперз» (1971). Она интересна и для Вас — не только потому, что там идет речь о Симеоне Богослове, которого Г. связывает с нео-павликианством, но и потому, что автор отвергает филиацию идей: манихеи-павликиане-богомилы-альбигойцы. Для меня в споре с Вами это прекрасный союз!» Другое подобное письмо Александра Петровича без даты: «Сегодня читал книгу Й. Фогта об Аммиане Марцеллине, вышедшую в Майнце в 1963 г., и одно место там напомнило мне наши споры. Фогт пишет примерно так (стр. 804): “Вопрос об источниках всегда важен, но установление зависимости (одного автора от другого) еще недостаточно: мы с полным основанием должны искать оригинальность рассказчика и там, где он, по-видимому, обращается к традиции”. Иными словами, Фогт имеет в виду то, что я всегда говорил Вам: “материальная” зависимость одного автора от другого, одного идейного направления от другого еще не означает их функциональной зависимости. Шекспир заимствовал свои сюжеты у самых разных своих предшественников, но суть Шекспира — не в его близости к предшественникам, а в его принципиальном от них отличии».

¹³ Ср.: Эпистолярное наследие А. П. Каждана // Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения / отв. ред. А. А. Чекалова. СПб., 2003. С. 413–485; Из писем А. П. Каждана // *Поляковская М. А. Византия, византийцы, византилисты*. Екатеринбург, 2003. С. 324–406.

ностей в новых условиях и иллюстрация научного признания А. П. Каждана. С другой стороны, это явная печаль ученого о потере круга друзей, возможности писать на родном языке и сложности начинать жизнь с чистого листа в преклонном возрасте.

При публикации писем для обозначения сокращений информации, которая, по нашему мнению, не относится к обозначенной теме, используются угловые скобки с отточием внутри <...>. Все сокращения раскрываются в квадратных скобках — []. Подчеркивания в тексте передаются через курсивное написание. Письма публикуются в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации.

1. Письмо А. П. Каждана Ф. фон Лилиенфельд 1978 г.¹

Дорогая Фэри,

я получил твое очень интересное письмо о столкновении поколений и рад был бы поделиться своими соображениями по этому поводу, но сейчас у меня в голове другое, и ты извини меня, если мы отложим наш разговор — до личной встречи.

Да, до личной встречи, ибо после отчаянных колебаний мы все-таки подали документы. Не надо говорить, что я чувствую себя предателем по отношению ко всем близким, кого я оставляю здесь, — я имею в виду и друзей, и учеников, — всех, кому я был нужен. Но сил нет: они с такой постепенностью объявили меня «внутренним эмигрантом», что я понял, насколько я не нужен всей этой братии, насколько мешаю им самым фактом своего существования. Но довольно об этом.

Если все будет хорошо, мы можем летом быть в Вене. Конечно, мы предупредим тебя о вылете. Пока я хотел бы просить о следующем:

1) Может случиться, что нас не будут выпускать. В этом случае, по-видимому, понадобится нажим влиятельных лиц, как Ahrweiler², Lemerle³, Beck⁴, Hunger⁵, Browning⁶. Хорошо было бы предупредить их заранее, но раньше июня никаких акций предпринимать не надо. От них, видимо, потребуются письма в Президиум АН СССР, в Верховный Совет etc. М[ожет] б[ыть], ты свяжешься с Ефимом Григорьевичем⁷ — у него светлая голова и опыт.

Видимо, делу не надо придавать политическую окраску (во всяком случае, сначала): просто пожилой человек, перенесший тяжелый инфаркт, хочет прожить конец жизни и умереть на руках у сына — человек, кстати сказать, никогда не касавшийся секретной работы. Его задержка производит неблагоприятное впечатление на интеллигенцию, и т. п.

2) Самый переезд для нас — с мамой на костылях — вещь не легкая. Чтобы его упростить, я бы хотел иметь Gastvorlesungen⁸ в Вене и в Италии (в Риме или где-нибудь еще) — это

¹ Из содержания письма очевидно, что оно написано незадолго до отъезда А. П. Каждана из Советского Союза, т. е. в 1978 г.

² Гликадзи-Арвейлер Элени (род. 1926) — французский византист греческого происхождения.

³ Лемерль Поль (1903–1989) — французский историк, медиевист, византист.

⁴ Бек Ханс-Георг (1910–1999) — немецкий византист.

⁵ Хунгер Херберт (1914–2000) — австрийский византист.

⁶ Браунинг Роберт (1914–1997) — английский византист.

⁷ Эткинд Ефим Григорьевич (1918–1999) — советский и французский филолог, литературовед.

⁸ Гостевые лекции (нем.).

Священник Максим Сорокин

позволило бы мне снять приличную квартиру и дать моим женщинам достойный их минимум. Я напишу Зайбту⁹ и Гарсиа¹⁰, но, м[ожет] б[ыть], ты со своей стороны можешь что-то сделать.

Одним словом — ты моя главная опора.

Да, вдруг все будет хорошо, и тогда после выхода на пенсию приедешь к нам, и мы будем все вместе доживать конец жизни — и спорить с тобой до бесконечности...

А пока обнимаю тебя по поручению и от имени всей семьи. Твой С.

Р. S. Книги посылать мне не надо (скажи и Вирту¹¹) — их наверняка будут красть. Письма тоже надо сократить до минимума — во всяком случае, на первые месяцы.

2. Письмо А. П. Каждана Ф. фон Лилиенфельд от 24 июня 1978 г.

Фэри, родная моя,

спасибо за открытку. Я действительно давно не писал — как-то потерял охоту к писанию писем. Раньше любил это: писал о делах византийских, о прочитанных книгах, о фильмах, которые видел. Сейчас вся моя жизнь сосредоточена на себе, на своих заботах, трудностях и горестях — а кому интересно выслушивать ламентации, даже обоснованные? Постараюсь это все обойти.

Я живу и вроде как бы не живу: хожу на работу и вместе с тем не работаю, почти не работаю. Немного — чтобы не забыть греческий — читаю Хониата и, наоборот, много читаю по-английски. Я получил уже приглашение в Collège de France: спецкурс на будущий семестр — буду теперь готовиться к нему. Темой решил взять Modern Problems of Byzantinology¹². Я, правда, не знаю, сколько лекций мне дадут, ни даже продолжительности лекции — так что потом придется перестраиваться, но во всяком случае я хочу набросать конспекты лекций, the outlines¹³. Если ты не возражаешь, я пошлю тебе копию — может быть, мы сможем их потом обсудить.

Как сложится дальнейшая жизнь, не знаю и боюсь загадывать. Гоню от себя эти мысли и все время возвращаюсь к ним.

Мама в приличном состоянии: ходит с палочкой, даже выходит на полчаса на улицу. Муся много хлопочет, хотя главные хлопоты и позади, и впереди. Сейчас большая пауза, может быть, я поеду на несколько дней en plein air¹⁴ (воскресные лесные прогулки — кажется, единственное, что у нас уцелело от старого мира).

Я послал тебе кое-какие книжки, включая мою «прощальную» статью о выставке византийского искусства¹⁵. Только что вышла книга Щапова¹⁶ — его докторская диссертация¹⁷: я постараюсь купить экземпляр и для тебя. Вышла книга Банк о византийском искусстве¹⁸ — но эту я прозевал. Выходит в ближайшее время перевод «Хронографии» Пселла¹⁹. Наконец, вышел новый Временник со статьей моей об Острогорском²⁰: статья не такая интересная, как могла бы

⁹ Зайбт Вернер (род. 1942) — австрийский византист.

¹⁰ Гарсиа Антонио (1927–2012) — итальянский грецист и византист.

¹¹ Вирт Герхард (род. 1926) — немецкий церковный историк.

¹² Современные проблемы византиноведения.

¹³ Контуры (англ.).

¹⁴ На открытом воздухе (франц.).

¹⁵ Речь идет о: Каждан А. П. Вещь и среда в византийской культуре // Декоративное искусство. 1978. № 8. С. 31–41.

¹⁶ Щапов Ярослав Николаевич (1928–2011) — историк, член-корреспондент АН СССР.

¹⁷ Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.

¹⁸ Банк Алиса Владимировна (1906–1984) — специалист в области культуры и искусства Византии. Речь идет о ее книгах: Банк А. В. Искусство Византии в собраниях Советского Союза: Краткий путеводитель по выставке. Л., 1975. Т. 1–3; Byzantine Art in the Collections of Soviet Museums. Leningrad, 1977.

¹⁹ Михаил Пселл. Хронография / пер., ст. и примеч. Я. Н. Любарского. М.: Изд-во «Наука», 1978. 320 с. (Памятники исторической мысли).

²⁰ Острогорский Георгий Александрович (1902–1976) — сербский византист российского происхождения. Речь в письме

Жизнь ученого в эмиграции. Из эпистолярного наследия А. П. Каждана ...

быть, ибо это лишь изложение его концепции. Я боялся, что анализ ее генезиса и ее дальнейших судеб (т. е. полемики с ним) был бы неуместным: ведь это, в сущности, память о нем как об ученом. Я много его видел, но слишком мало знал, чтобы писать о нем как о человеке. Может быть, он мало раскрывался? В науке мы были антагонистами (во многом) — в жизни приятелями. Интересно, как бы он принял ту *new attitude*²¹...

<...> Я иногда думаю о будущем: самое лучшее, чего бы мне хотелось — это спокойно довершать начатые дела, включая словарь к Хониату, и помогать другим своими знаниями и своей фантазией. Удастся ли это? Не знаю.

Обнимаю тебя и оставляю Мусе немного места для приписки. Твой С.

24.VI.78

3. Письмо А. П. Каждана Ф. фон Лилиенфельд от 20 мая 1979 г.

Dumbarton Oaks, 20.V.79

Родная моя, наконец-то письмо!

Не шли ты мне, пожалуйста, телеграмм — они бездушные отписки. Я уже давно собирался писать тебе, ругаться, что ты молчишь — но руки не доходили: то симпозиум, то был мой доклад. Симпозиум был по византийской Литургии под руководством Мейендорфа²²; я сказал ему, между прочим: Чего же Вы Фэри не пригласили? (Удальцову²³ они пригласили, но, *Gott sei dank*²⁴, она не приехала). Доклад я читал в прошлую среду — по-английски и впервые не по бумажке. Велел убрать *deck*²⁵, поставил *blackboard*²⁶ и стоял, как в Москве, глядя в глаза слушателям и время от времени рисуя на доске. Уверяют, что поняли. Дискуссия, во всяком случае, была, но довольно дурацкая.

Жизнь потихоньку входит в колею, хотя пока больше обещаний, чем реальностей. Из реальностей — пришел, *at last*²⁷, московский багаж, но теперь я понимаю (впрочем, я еще и в Москве это твердил), что никакой мебели посылать не надо было: перевозка из *N[ew] Y[ork]* будет стоить дороже, чем купить то барахло, что мы привезли. Впрочем, мы действовали по инструкциям от детей. Обещания же главные — дать больше квартиру и дать место служащего. Обещания эти противоречат друг другу, т. к. бесплатные квартиры для *fellows*²⁸, а не для *employees*²⁹. Я, правда, выдвинул проект, что я буду платить *D[umbarton] O[aks]* за квартиру...

Вообще, страна смешная и абсолютно не похожа на наши ходячие представления об Америке. Сейчас уровень жизни здесь явно ниже, чем в ФРГ. Но важно не это: поражает безумный бюрократизм и полное неумение работать, на вполне российском уровне. Никто в хорошей работе не заинтересован — от *D[umbarton] O[aks]* до магазина. От лавины обманов удерживает только суд: во вчерашней газете, например, — колоссальный штраф на торговца автомобилями, который продал за новую машину, что была в употреблении 8 дней. Штраф — две мои годовые зарплаты! *D[umbarton] O[aks]* — учреждение с феноменальными возможностями: масса денег,

идет о статье: Каждан А. П. Концепция истории Византийской империи в трудах Г. А. Острогорского // Византийский вестник. 1978. Т. 39. С. 76–85.

²¹ Новое отношение (англ.).

²² Мейендорф Иоанн Феофилович (1926–1992) — протопресвитер Православной Церкви в Америке, богослов, патролог, византист и церковный историк.

²³ Udальцова Зинаида Владимировна (1918–1987) — советский византист, возглавляла Сектор византиноведения Института всеобщей истории АН СССР.

²⁴ Слава Богу (нем.).

²⁵ Кафедра (англ.).

²⁶ Классная доска (англ.).

²⁷ Наконец (англ.).

²⁸ Стипендиаты, члены сообщества (англ.).

²⁹ Сотрудники, служащие (англ.).

библиотека, коллекция. Но все нацелено на то, чтобы не дать здесь образоваться научному [*неразб.*]! Главная забота — натирка полов (этим занят десяток работников с зарплатой явно выше моей), сад, устройство приемов, винопитий, концертов. Люди мелькают — приезжают на разные сроки, делают свои дела и исчезают. Устойчивый штат — это в основном officials³⁰: разные бухгалтеря, заведующий публикацией, заведующий распространением книг etc., etc. Есть группа по библиографии, есть компьютер — но библиографии нет! Одним словом, как не уезжал.

Что здесь прекрасно — это город. Город двухэтажных разнообразных домов, утопающих в садах, в парках. Цветы [*неразб.*] наполняют улицы. Гулять — раздолье. Очень хорошо и работать. Помимо моей библиотеки, которая теперь, увы, уже практически не будет расти (да, кстати, Рекс³¹ сказал мне, чтобы я не посылал русскую Библию и симфонию на Новый и Ветхий Завет и что ты мне достанешь без труда. Пожалуйста, если это не проблема, сделай это — ладно?), огромная библиотека D[umbarton] O[aks]. Есть неплохие люди, к которым привык и много разговариваю о делах.

Мое положение странное. С одной стороны, явный моральный авторитет — желание ряда людей учиться или во всяком случае вытягивать из меня то, что я знаю. Особенно это, как ни странно, среди историков искусства. Hans Belting³² обещал тебе позвонить, может быть, он что-то сумеет рассказать. Получаю разные предложения (писать статьи для энциклопедии, председательствовать, поехать с лекциями) — но все в крайне туманной форме. Пока же fellow и получаю стипендию. Немного приспособившись к местной жизни, понимаю, что на эти 15 тыс. в год (т. е. 30 тыс. марок) кое-как прожить можно. Вся беда в том, что эта стипендия не дает права на пенсию. Этого, мой любезный, ты абсолютно не предусмотрел. Это значит, что по достижении пенсионного возраста я при всей моей трудовой жизни и при некоторых заслугах пред современной культурой останусь на государственной подачке: 100–200 d[ollars] в месяц (в зависимости от штата). Поэтому надо срочно переходить на статус служащего, зарабатывать себе benefit³³, а срочно в этой стране ничего не делается! Вот так я и качаюсь — от надежды к отчаянью, и нахожу утешение, как всегда, в работе. <...> Целую тебя крепко-крепко и хочу видеть.

Твой С.

4. Письмо А. П. Каждана Ф. фон Лиленфельд от 4 июня 1979 г.

Dumbarton Oaks, 4.VI.79

Родные мои Рексы³⁴ и Фэри,

опять давно нет от вас писем! Уже даже от Гладштейнов получили две записочки. Я надеюсь, что Дима³⁵, к[ото]рый сейчас в Израиле, сумеет найти их и передать им немного денег.

Наше положение немного стабилизируется. Меня обещали перевести на положение Senior Research Associate³⁶, что не будет сопровождаться реальным повышением зарплаты, но даст — если я проработаю 5 лет на этом месте — минимальные права на пенсию. У Муси засветила какая-то part-time³⁷ переводная работа — к сожалению, она на месяц уехала в Бостон (отпустить Диму и Лену в отпуск) и поэтому вопрос отложен. В середине месяца мы переедем в новую квартиру: там будет три комнаты и, наконец, можно будет подумать, как взять маму сюда.

³⁰ Должностные лица (англ.).

³¹ Рексхойзер А. — общий друг А. П. Каждана и Фэри фон Лиленфельд.

³² Бельтинг Ханс (род. 1935) — немецкий историк искусства и культуры.

³³ Пенсия (англ.).

³⁴ Семья Рексхойзер — общие друзья А. П. Каждана и Ф. фон Лиленфельд.

³⁵ Каждан Давид (Дмитрий Александрович; род. 1946) — сын А. П. Каждана.

³⁶ Старший научный сотрудник (англ.).

³⁷ На полставки (англ.).

Эта квартира в т[ак] наз[ываемом] fellows-building, в саду ДО, в прекрасном месте — когда-то в ней жил F. Dvornik³⁸. На этом, как будто, внешняя сторона нашего оседания завершится.

Ситуация моя очень странная. С одной стороны, я, не хвастаясь, могу сказать, что завоевал большой моральный и научный авторитет: люди без конца идут ко мне за советом, показывают свои статьи в рукописях, просят совета, меня пригласили куда-то председателем etc. — а с другой стороны, мое жалование — как у нашей Лены³⁹ и, главное, в перспективе очень скудная пенсия; за оставшиеся годы ее не выработать. Ну, как будет.

Я начинаю понимать, Фэри, что было бы неплохо пригласить [*неразб.*], и Мейендорф (который должен был передать мой привет тебе) мог бы этому способствовать. Может быть, через какое-то время и мой голос будет что-то значить в глазах администрации. Подумай об этом. Вашингтон — по-своему прекрасный город, а условия работы в ДО идеальные. Это можно попытаться сделать через год (или позже, если тебе так удобнее). Если ты хочешь, я узнаю, какие нужны документы.

[...] Обнимаю и целую вас всех

Ваш Саня <...>

5. Письмо А. П. Каждана Ф. фон Лилиенфельд, без даты

Перечитав твое письмо, я увидел, что не ответил на два замечания. Во-первых, об уровне английской жизни. Может быть, у меня аберрация — может быть, англичане и в самом деле забавляются, играя в нищету. Но если человек говорит, что не может пригласить меня, потому что ему нечем отопить свою лачугу; если в доме профессора дети не видят фруктов; если мне дают в холодной комнате кучу одеял, одно другого страшней (это не считая прямых жалоб на трудности жизни и ничтожных цифр жалования — 4 тыс. фунтов в год у научного сотрудника в Лондоне); если я вижу, как сложно устроить прием (а они хотят устроить!), — то другого заключения не могу сделать. Конечно, есть люди, живущие иначе — спору нет.

Во-вторых, ты спрашиваешь, представлял ли я себе американский уровень жизни. Нет, конечно. Речь шла о моральных, о языковых трудностях — но не о ничтожности моей зарплаты (NB. 15 тыс. в год в переводе на рубли по обменному курсу — около 75 тыс. Моя зарплата в Москве 4, 8 тыс.). Лена писала мне, ссылаясь на заместителя декана Harvard'a, что меня считают тут «культурной ценностью», и все, кто мало-мальски сталкивался с D[umbarton] O[aks] (напр[имер], Ahrweiler), говорили, что сюда ехать можно. К сожалению, положение в D[umbarton] O[aks] за последние годы изменилось: раньше здесь был т. н. faculty, т. е. крупные ученые на правах гарвардских профессоров. Теперь это сведено к минимуму: доживают те, кто получил эти права раньше.

Беда не столько в том, что американский уровень жизни низок — он во всяком случае ниже советского (хотя и не многим выше), но в том, что я оказался в совершенно недостойном положении — положении мальчишки, взятого из милости, с оплатой ниже среднего уровня и ниже того, что здесь считается прожиточным минимумом. И это при том, что надо начинать заново, с нуля, и у Муси никаких шансов устроиться.

Отсюда шли фальшивые сведения о устройстве разных людей, напр[имер] Некрича⁴⁰, к[ото]рый на самом деле живет на подачки — grant'ы, и сейчас пенсию, получит ли он вообще что-нибудь на будущий год (это при том, что люди, знающие Россию нужны) [*неразб.*], но не крупных ученых.

Короче говоря, ситуация абсолютно разная в математике и в гуманитарных науках. И это-то привело к аберрации.

³⁸ Дворник Френсис (1893–1975) — американский историк, славист и византист чешского происхождения.

³⁹ Жена сына А. П. Каждана.

⁴⁰ Некрич Александр Моисеевич (1920–1993) — советский историк, в 1976 г. эмигрировал в США.

Ну, ничего, надо как-то бороться и выкарабкиваться.

Надо было бы, конечно, написать подробнее о симпозиуме. Постановка проблемы Мейендорфом была очень многообещающей: нельзя, говорил он, рассматривать Литургию *in vacuo*, надо помнить, что это элементы культуры. Но дальше сам он не пошел ни во введении, ни в заключении. Для него культурная роль византийской Литургии прежде всего в том, что она сохранилась в славянском мире. Кирилл Мэнго⁴¹ был единственным, кто попытался действительно понять Литургию как элемент культуры. Это блестящий ученый, человек огромных знаний и широкого взгляда на вещи. Остальные доклады были нарративными, подчас мелкими в теме и, главное, ни у кого из авторов не хватало смелости сделать то, к чему Мейендорф призывал: связать Литургию с культурой вообще.

Ну, ладно, Фэри, еще раз прощаюсь с тобой. Огромный привет Рексам! Как они выходят из своих трудностей?

Я подал заявление с просьбой дать мне документы для поездки в Париж и Бари в сентябре. Может быть, увидимся? В отличие от американцев, французы, кажется, действительно видят во мне «культурную ценность»...

Твой С.

6. Письмо А. П. Каждана Ф. фон Лиленфельд от 9 января 1982 г.

Dumbarton Oaks, 9.1.82

Дорогая Фэри,

<...> Ты много пишешь о старости, и это естественно. Пару дней назад я говорил с одним молодым стипендиатом в D[umbarton] O[aks] и сказал, что в его возрасте мог работать с утра до позднего вечера, а теперь должен устраивать перерывы, рано кончать и т. п. But that's natural⁴², был его ответ. Да, это нормально, что организм устает физически, что силы приходится рассчитывать. Но ведь вместе с тем приходит опыт, умение распределять силы, известная гибкость ума. Я счастлив, что еще могу пройти два — три часа подряд (сегодня как раз мы ездили днем гулять), но я абсолютно не чувствую себя отставшим от молодых коллег 'в деле'. Вернее сказать, есть много областей, в которых я отставал и отстаю от нормального европейского уровня (например, в знании языков, включая греческий), но я не чувствую — или это иллюзия? — что я (или ты) стал ступенькой ниже в комбинаторных способностях, в умении ассоциировать разрозненные факты. 13-го у нас будет вечер — с винопитием — для обсуждения проблем византийской культуры. Вечер устраивается по инициативе молодых искусствоведов после того, как они прочитали мою рецензию в Byzantion⁴³. Я буду говорить вступительное слово. И нагло думаю, что каждая фраза в этом десятиминутном сообщении будет 'новой' для всей аудитории — гораздо более 'новой', чем если бы я говорил это 20 лет назад.

И еще: я получил сегодня же письмо от Лемерля⁴⁴. Он пишет, что у него был сердечный приступ, что замедляет его работу. И тут же он перечисляет сделанное. Дай Бог самым молодым и здоровым полстолька (*eine Hälfte dessen, was er gemacht hat*⁴⁵). Или 'полстолька' тебе понятно, и я зря стараюсь?.

Это в защиту старости. Фэри, ты пишешь, ссылаясь на Вирта (я в долгу перед ним и многими другими, которым не написал еще — письма в Москву съедают все «корреспонденционное» время), что вы оба мне завидуете. Не надо. Поверь мне, что моя жизнь — вся, кроме, может

⁴¹ Мэнго Кирилл (род. 1928) — британский византист.

⁴² Но это естественно (англ.).

⁴³ Вероятно, имеется в виду: *Kazhdan A. In Search for the Heart of Byzantium // Byzantion. 1981. T. 51. P. 320–332.*

⁴⁴ Лемерль Поль (1903–1989) — французский историк, медиевист, византист.

⁴⁵ Половина того, что он сделал (нем.).

быть, короткого периода, который я, шутя, зову новомирским, периода больших надежд в 60-е годы — была несравнимо более тяжелой, чем у Вирта: плохое обучение (2 года университета вместо 5), аспирантура без учителя-византиниста и без учителя греческого языка, 10 лет русской провинции без книг, пост младшего научного сотрудника с обязательным вешанием номерка в 9 утра — я не говорю о моральной стороне, о несправедливостях и ограничениях. На старости — необходимость начать жизнь сызнова, с чужим языком, в чужих условиях, с абсолютно необеспеченным будущим (пенсия в *лучшем* случае 40 % зарплаты), два инфаркта позади и постоянная угроза перед глазами. Чему тут завидовать? Представь на минуту, что все свои бумаги ты должна была бы писать по-русски, давать кому-то (из милости) проверять и потом сама — без секретаря — перепечатывать набело. Представь себе — и перестань мне завидовать. Ни один из византинистов моего масштаба и возраста не находится в таком унижительном положении.

В D[umbarton] O[aks] работает немало людей. D[umbarton] O[aks] славится тем, что его проекты остаются нереализованными. Я не хочу называть имена, но люди есть, работающие десятилетиями, имеющие секретарей и помощников и не сделавшие почти ничего соизмеримого с материальными затратами на них. И есть Бек⁴⁶, работавший в университете и написавший много и хорошо, есть Хунгер⁴⁷, занимающий огромный административный пост с тысячью хлопот — и выпускающий книгу за книгой. Я не хочу моральных оценок, я не говорю, что это лучше или хуже: работать для людей, для непосредственно видимых людей, пожалуй, приятнее, чем для печатного станка. Я бы мечтал иметь студентов, учить их, видеть, как они умнеют. В Москве я щедро раздавал идеи и могу легко назвать, что я подарил Бибикову⁴⁸ и что сделал для Яшки⁴⁹. Здесь я этого лишен, — и тут тоже нечему завидовать. Пойми меня: люди разные, одни делают одно, другие другое — и далеко не всегда только из-за обстоятельств. Я прошел очень суровую школу, и если я мог работать в Великих Луках, то как-нибудь сумел бы найти время и в Бонне. За счет чего-то, конечно, — важного, нужного и хорошего. Пойми меня правильно — я не хвастаюсь, просто один любит попадью, а другой свиной хрящик. Есть люди активные, есть — не желающие ничего так страстно, как сидеть за письменным столом.

<...> Обнимаю тебя в Новом году, как и в прошлом. Твой С. <...>

7. Письмо А. П. Каждана Ф. фон Лиленфельд от 24 ноября 1982 г.

Думбартон Оакс, 24.XI.82

Дорогая Фэри,

<...> Когда я думаю о прошлом, то замечаю, помимо всего прочего, коренное изменение стиля моих писем. Раньше письма были прежде конденсацией размышлений, теперь они стали регистрацией фактов. Значит ли это, что жанр размышлений стал мне менее дорог или просто я возомнил, что факты моей жизни здесь имеют большую ценность для окружающих, нежели факты в моей «предыдущей» жизни? Почему-то мне кажется, что те мелкие случаи, которые происходят со мной или вокруг меня, на самом деле значительны, и моим друзьям существенно — так я решил — знать, куда я поехал, что ел на завтрак и какую рецензию напечатал в журнале, что никогда не будет доступным в Москве. Один из многих занятных сдвигов в эмигрантской психике.

Слава Богу, хоть нотки материальной тревоги, такие существенные в моих эпистулах первых лет, начинают сходить на нет. Очень отрезвляет положение тех эмигрантов вокруг, кто по возрасту и положению принадлежал к тому же самому (или даже более высокому) кругу москвичей. В Бостоне я опять виделся с Сашей Некричем, которого ты должна помнить — ка-

⁴⁶ Бек Ханс-Георг (1910–1999) — немецкий византист.

⁴⁷ Хунгер Херберт (1914–2000) — австрийский византист.

⁴⁸ Бибиков Михаил Вадимович (род. 1951) — советский и российский византист.

⁴⁹ Любарский Яков Николаевич (1929–2003) — советский и российский византист.

жется, он имел случай навестить тебя в твоих пенатах (Боже мой, как я отучился печатать на русской машинке — сажаю ошибку за ошибкой! Все сижу за латинской машинкой, а там не только буквы другие, но знаки и цифры на другом регистре, задний ход в другом месте эtc.). Когда, наконец, у Некрича все или хоть что-нибудь образуется! Правда, при всей неустроенности своей он необычайно бодр и оптимистичен, — я бы в его ситуации уже давно бы окошел от самоедства.

Думбартон Оакс живет энергичной научной жизнью, даже был — пару месяцев тому назад доклад, имевший для тебя специальный интерес, — почему главный константинопольский храм получил название Софии. Автор выводил это из конкретной церковно-политической ситуации (детали уже выветрились из моей несчастной головы), из арианских споров, что ли, — во что я не могу поверить, т. к. вряд ли бы еретические этикетки могли удержаться и стать столь популярными, да и к тому же мне думается, что София должна была иметь более непреходящий смысл, чем простая привязанность к «сегодняшнему» спору.

Но в общем-то византийской тематики маловато. Из византиноведческого центра мы мало-помалу превращаемся в нечто неопределенное, где медиевистика заслоняет византиноведение, где свободное поле деятельности отдается позднему (да и не только позднему) Риму и где, конечно уж, всякие доколумбийские древности и история садовой архитектуры тянут на равных с моей возлюбленной империей ромеев. Кажется, за весь семестр только одна публичная лекция будет посвящена Византии — моя на тему «Идеальный монах или идеальный рыцарь? Конфликт политических идеалов». Состоится в начале декабря — как раз, наверное, когда это письмо придет в Эрланген.

Существенных перемен в моей жизни не происходит, и никакие существенные труды не вышли в свет. Веду разную переписку с разными издательствами, иду навстречу всем предложениям (дурная московская привычка — а вдруг забудут?), и поэтому закабален обещаниями написать рецензии. Опять знакомая болезнь, как в Москве, — некомо что ли рецензии писать?

Известия из России приходят вяло и четкостью не отличаются. Общее впечатление, что коренных перемен нет и там, но как-то утеряны надежды на улучшение и оттого злорадия дня довлеет. Иногда, когда особенно хочется назад, «к своим», представляю себе свое появление в Москве и думаю, что оно быстро бы отвадило бы меня от всяческого тоскования.

<...> Нужно ли говорить, что Муся тебе кланяется? Не нужно. Твой С.

8. Письмо Ф. фон Лилиенфельд А. П. Каждану от 13 мая 1983 г.⁵⁰

13.5.83 г.

Дорогой Саненька,

Первый день, в который я нахожусь в физическом состоянии к этому, я встала, чтобы написать Вам письма еще до начала университетской работы. Встала я в 5 часов, а уехать на 4 часа семинара (вместе с параллельной католической кафедрой в Вюрцбурге) я должна в 7.30 и до этого еще завтракать — а уже никакая Муся мне все ставит на стол как в блаженные Дамбартон-Оковские дни. «Катедралы» я и теперь из этого письма не построю. Сегодня — суббота, и я хочу отослать это письмо непременно, вместе с началом Крествудским.

Где я начну, рассказывать прожитое с тех пор, что я уехала? Столько уже случилось!

Но до этого всего, я хочу Вас обоих поблагодарить за дивные два месяца, которые я у Вас прожила. Все находят здесь, что у меня действительно вид, который показывает, что я отдохнула.

«Kunststück» мы говорим по-немецки: занятие только одно: а не по крайней мере три-четыре, а притом еще самое интересное: исследовательская работа. Я была вместе с Вами, имею теперь представление о Вашей жизни; почти ежеминутно я представляю себе, что Вы сейчас делаете. Правда: при этом я не принимаю во внимание различие времени: но утром думаю о

⁵⁰ Настоящее письмо публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

том, что Вы утром делаете и так далее. Представляю себе, по крайней мере, некоторые из Ваших забот, из Ваших проблем — из того, с чем Вы должны ладить, жить. Притом я представляю себе Мусину жизнь — ее внутреннюю я имею в виду — яснее, чем твою. Ты знаешь, как остро я ощутила в 1974 г., что *der Gesprächsfaden*⁵¹ между нами сорвался, касаясь самых заветных мыслей, пожеланий, немножко высокопарно выражаясь, «смысла жизни». Со временем этот разговор продолжался уже не непосредственно, но именно посредственно.

Теперь в Вашингтоне я узнала, что ты «русских вечных разговоров» уже не любишь. И я стараюсь все еще понимать, какая тяжелая участь эмиграция. Я старалась уловить, чем ты живешь, за что ты живешь — но не думаю, что ты сам точно знаешь, пока. Может быть, наступил долгий период молчания и внутри самом себе, потому что ты не знаешь, что думать: про смысл истории, всеобщей человеческой, византийской или античной, но и русской или европейской, уже не говоря [об] американской, которую как будто за историей человеческой как-то не читаешь. Конечно: это не может быть правдой, но только она кажется тебе такой незначительной, что ей заниматься не стоит. А понимаешь ли людей без того, что говорила история в традиции данного народа, которая часто — уже не сознательная, а передается бессознательно...

Но теперь пойдет самый главный практический вопрос Вам обоим, который я уже хотела ставить в своем начатом, не оконченном письме: что мне сказать о Вас, когда буду в середине сентября в Советском Союзе?

Я представляю себе два совершенно различных, но справедливых ответа, которые, конечно, по существу, даже не противоречат друг другу, но соотношение одного к другому, никак нельзя, по-моему, объяснить Вашим родственникам и друзьям там.

Ответ № 1: В сравнении к многим другим эмигрантам Сане и Мусе живется хорошо. У Сани есть не плохо заплаченное постоянное место и право на пенсию, (хотя очень маленькую), притом это место большой репутации и такой он и пользуется внутри самого института. У Муси нашлось известное число учеников русского языка, так что она зарабатывает и немного собственных денег и имеет общение с людьми помимо домашней работы. Правда, последней очень много. Никакой помощи (кроме того, что Саня готов по вечерам немного помогать и помогает при покупках и посуде) нет — и, конечно, есть проблема Анны Александровны — но живут они в очень хорошем доме в самой приличной и приятной «европейской» части Вашингтона... и тому подобное.

Ответ № 2: Живется очень плохо Сане и Мусе. Хотя они в настоящее время обеспечены, они боятся будущего в незнакомой и, по существу, не понятной чужой стране. Притом они страшно тоскуют по родине, по Москве, по ее культуре, по друзьям, по социальному статусу, которые они дома имели, особенно и по возможностям достаточного и приятного отдыха, возможности которого представляется там соответственными государственными организациями. А в Америке об этом нужно самому заботиться и, главное, очень дорого заплатить. Работают они оба до невозможности, страшно напряженно, и я боюсь, что один из них при таком темпе жизни «упадет» — а что будет тогда. И здесь об А. А. нужно рассказать. Жизнь в Америке им вообще не нравится, обычаи чужие, так называемая демократия при опыте степени преступности и неурядиц становится ими сильно под вопрос, и понимают они, какие ценности все-таки защищал СССР. Особенно это касается печати, таких культурных газет, как например Литгазета нет в США, за то коммерческие дешевые ничтожества и порнографии и идиотские журнальчики... и далее в этом духе.

Мне уже не раз говорили в Москве Ваши друзья, не могу я объяснить, почему ты Саня пишешь письма, которые в «Правде» возможно бы печатать... Таким ведь тебя тогда не знали (так например, Яша⁵² и Ида⁵³ и другие). Я думаю, что я могла бы это теперь лучше объяснить, и

⁵¹ Нить разговора (нем.).

⁵² Имеется ввиду Я. Н. Любарский.

⁵³ Кац-Лейтес Ида Ароновна — друг Кажданов.

Священник Максим Сорокин

что это не означает оправдание политической системы СССР, но — выражение тоски о родине, которая, несмотря на все, живет, и для людей Вашего положения даже не плохо...

Но как соединить эти два ответа — они не поймут. Еще многое более личное, я не чувствую себя в праве рассказать, где уже слишком много было своей интерпретации... Пишите мне сами, что должна не о Вас, но от Вас, от вашего имени, рассказать.

Я все время думаю о Вас, размышляю... Что о тебе Сане в смысле ученого рассказать меньше всего знаю. Слава Богу, что могли в конце концов про словарь Хонята говорить. Если ты можешь его окончить, тогда ты себе «памятник воздвиг» посмертный. Будут византилисты это употреблять — и не только для Хонята (нужно писать «Хониат»?), но и для сравнения других авторов. Но: монография будет тем желательнее. Про нее ты не говорил, но в другие времена ты ведь намерен был такую писать⁵⁴. Как теперь? В виду этого словаря я понимаю всю напряженность твоей работы над английским языком. Да дастся тебе еще этот язык все лучше и лучше. Твой прогресс ведь уже замечательный. Но о византистике и тебе еще другой раз больше. «Катедрала»-письмо все равно не выйдет. Хочу его завтра утром, наконец, отослать. <...>

9. Письмо А. П. Каждана Ф. фон Лилиенфельд от 21 мая 1983 г.

Dumbarton Oaks, den 21. Mai 83

Liebe Fairy,

<...> Über deine Frage, was in Moskau zu erzählen. Ich finde beide deiner Möglichkeiten sehr gut und richtig. Ja, das Problem besteht darin, dass die Realität wirklich gegensätzlich ist: an einer Seite, ist unsere Lage sehr gut (und besonders, da unsere Situation besser ist, als die der anderen Emigranten unserer Profession und unserer Alters, — ich habe darüber zehn Tausend mal dir und Moskauer Freunden geschrieben) — die Arbeit, die Lebensbedingungen und — last not least — politische Sicherheit; an anderer Seite, sollen wir unsere Schwierigkeiten nicht vergessen: die Sprache, die fremden Branche und Unsicherheit der «pensionierten» Existenz. Man muss nicht vergessen, dass es unklar ist, wie klein die Pension sein wird, was für eine Wohnung und wo wir mieten können usw. Auch die Atomisation der Gesellschaft, die Schwäche der sog. «Freundschaft»-Beziehungen ist sehr schädlich, besonders für Mussia. Alles das ist gar nicht neu weder für dich noch für sie, wenn nun man meine Briefe versteht (Sehr komisch: Nekrich, der von Paris zurückkehrte, erzählte, dass er dort ein Ehepaar traf, einen berühmten Moskauer Schauspieler mit seiner Frau, und sie ihm, Nekrich, erzählten, dass «die ganze Moskau» — selbstverständlich, nur ein sehr enger Kries der Bekannten, das ist nur eine Redewendung, *tout le monde*, — meine Briefe immer liest und dort die objektive und interessante, vielseitige Information über Amerika findet — das zeigt, wie es wichtig ist, lesen zu verstehen). Man muss nur die Gegensätzlichkeit, *the contradictory nature*, verstehen, und nicht versuchen, alles mit einem Ja oder Nein, Weiß oder Schwarz, zu beschreiben. Ich bezweifle, dass du ihnen etwas erzählen kannst, was sie in unseren Briefen nie gelesen haben. Was aber wichtig ist, ist das Ereignis selbst, der Fakt, dass du hier persönlich warst. Kümmerst du über die Muskoviten, dann solltest du mehr Aufnahmen machen — das würden sie sehr hoch einschätzen. Auch wenn du keine Angst hättest, könntest du eine Kopie meines Buches mitnehmen — selbstverständlich, würde ich dir eine andere Kopie expedieren (wenn du es meinen Freunden gibst, nicht relativ befremdeten Leuten). Aber ich mache keine Forderungen, das ist keine Frage *vitae necisque*.

<...> Dein, wie immer S.⁵⁵

⁵⁴ Книга была опубликована посмертно Я. Н. Любарским, которому Александр Петрович отдал ее на хранение в числе прочих своих работ перед отъездом в 1978 г.: Каждан А. П. Никита Хониат и его время / подг. изд. Я. Н. Любарского, Н. А. Белозеровой, Е. Н. Гордеевой; предисл. Я. Н. Любарского. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. 544 с. В приложениях книги были переизданы опубликованные А. П. Кажданом работы, касающиеся Никиты Хониата.

⁵⁵ Перевод: «Дорогая Фэри, <...> О твоём вопросе, что рассказать в Москве. Мне кажется, что обе твои возможности очень хороши и правильны. Да, проблема в том, что реальность противоречива: с одной стороны, наше положение очень хорошее

10. Письмо А. П. Каждана Ф. фон Лилиенфельд от 22 января 1984 г.

22.I.84

Фэринька, дорогая!

Когда я думаю о твоих письмах, они представляются мне в образах готических соборов, которые не только строились веками, но и охватывали весь «космос», все времена и совокупность странств. Не скромные средства коммуникации, смысл которых состоит главным образом в напоминании о своем существовании («помню, мол, и люблю»), но величественные сооружения, рассчитанные на века. Интересно, думала ли о веках Элоиза, когда посылала свои письма Абельяру?

Четыре больших вопроса затронуты в твоём последнем «многовековом» письме: Израиль (заметь орфографию, ты пишешь на европейский манер через -e-), Советский Союз, Штаты и судьба Кажданов в Америке. Что касается Израиля, я молчу, не имею права судить: я был там 10 дней, видел преимущественно собственных внуков, и единственное, о чем могу сказать авторитетно, это что ни в одной стране я не имел такой скверной, незаинтересованной аудитории, как в Израиле. Но этого недостаточно для каких-либо обобщений.

Что касается Кажданов в Америке, то, боюсь, ты вынесла ложное впечатление и «насаждала» это ложное впечатление как истину в Москве. Нет «двух образов» Кажданов, о которых ты пишешь в письме и о чем — с твоих слов — писали некоторые из твоих московских собеседников, — есть обычная трудность для человеческого ума понять действительность в ее противоречивости. Противоречивость в данном случае двоякая (что делает восприятие еще более сложным) — во времени и в существе. Начнем с первой противоречивости. Когда мы приехали, наше материальное положение было постыдным (крохотная стипендия, Муся без надежд на работу, нет перспективы на пенсию, грязная квартирка из одной комнаты + предсказание Шевченко⁵⁶, что через 3 года срок стипендии кончится, я останусь без работы, буду жить у Димы и заниматься в Шевченковской библиотеке), — нет необходимости говорить, что положение это изменилось коренным образом, надо только задуматься, как это было достигнуто. Но сейчас не об этом. Это «хронологическое» различие я четко подчеркивал во всех письмах в Москву, и надо очень стараться, чтобы это не понять.

Переходим к вопросу о противоречивости сущностной. Опять-таки регулярно и последовательно я подчеркивал в письмах три существенные потери, из которых одну (природу) я мало-помалу снимаю, коль скоро мы мало-помалу открываем для себя богатства американской природы (в этом месяце мы даже на лыжах выбрались). Остаются два пункта: язык и оставшиеся «там» и незамещенные друзья. Боюсь, что человек, переехавший из Наумбурга в Эрланген (или из немецкоязычной Прибалтики в настоящую Германию), не в состоянии понять, что значит лишиться языка, если ты работаешь на языке. Особенно если в «прошлой» жизни ты *владел*

(и особенно, наша ситуация здесь лучше чем других эмигрантов нашей профессии и нашего возраста, — об этом я писал тысячу раз тебе и московским друзьям) — работа, условия жизни и — последнее, но не в последнюю очередь — политическая безопасность; с другой стороны, мы должны не забывать о наших трудностях: язык, чужие обычаи и неопределенность «пенсионного» существования. Не стоит забывать, что неясно, насколько маленькой будет пенсия, что за квартира и где сможем мы снимать, и т. д. Также обособленность общества, слабость так называемых «дружественных» связей очень пагубна, в особенности для Муси. Все это совсем не ново ни для тебя, ни для них, если все-таки понимают мои письма (очень комично: Некрич, который вернулся из Парижа, рассказывал, что он встретил там одну семейную пару, знаменитого московского актера со своей женой, и они ему, Некричу, рассказывали, что «вся Москва» — разумеется, только очень узкий круг знакомых, это только оборот речи, все, — читают всегда мои письма и в них находят объективную интересную и разностороннюю информацию об Америке — это показывает, как важно понимать читаемое). Нужно только понимать противоречивость, противоречивый характер, и не пытаться все описать с да или нет, белым или черным. Я сомневаюсь, что ты сможешь им что-то рассказать, чего они не читали в наших письмах. Что, однако, важно, это само событие, сам факт, что ты была здесь лично. Если ты заботишься о москвичах, тогда ты должна сделать больше снимков — они бы это очень высоко оценили. Также если ты не побоялась бы, могла бы взять с собой копию моей книги — разумеется, я бы другую копию тебе предоставил (если ты ее дашь моим друзьям, а не совсем отчужденным людям). Но я не требую, это не вопрос жизни или смерти. <...> Твой, как всегда С.»

⁵⁶ Шевченко Игорь Иванович (1922–2009) — американский византист.

языком, а не просто изъяснялся на нем. Я, во всяком случае до эмиграции, не представлял себе всей значительности потери. Не забывай, что язык — не просто орудие коммуникации, но основной и основополагающий пласт культуры, язык — это прочно сидящие в памяти сентенции Лютера, Гете, Гельдерлина...

Друзья! Забегая вперед, скажу, что Америка в принципе обходится без дружбы, хотя слово для «друга» — расхожее и сильно девальвированное. Я не обсуждаю, хорошо это или плохо; наша Леночка⁵⁷ не испытывает в этом потребности и, наоборот, чувствует сильное влечение к т. н. «партиз»⁵⁸, от которых меня тошнит — с тех пор как я перестал воспринимать их как «Форштуфе»⁵⁹ к чему-то более плотному и настоящему. Плохо или хорошо «бездружье», но я вырос в другой обстановке, и во всех своих бедах (а имя им легион) я постоянно имел дружескую опору (говорю «я», но к Мусе это относится не в меньшей мере). Как написано в хорошей книжке Любарского о Пселле⁶⁰, есть разные уровни дружбы — научная школа одно из ее выражений, а я и этим не был обижен в России. И все потерял. Осталась только память.

Возражая мне, ты цитируешь Идины слова: «Но ведь в России все рабы». Неужели ты не видишь, что бьешь мимо цели? Разве я когда-нибудь утверждал, что тоскую по Сталину или царю? Разве я не повторяю бесконечно, что здесь у меня нет подозрений, что мой телефон прослушивается, что мои письма перлюстрируются? Разве я не радуюсь, что я могу с первым встречным говорить о Диминой религиозности, тогда как в России я касался этого пункта только в разговорах с «ближайшими»? Это все так, но — в огороде бузина, а в Киеве дядька (я еще вернусь к вопросу об Иде-рабыне, ладно?). Ведь ты можешь представить себе человека, который уехал из нацистской Германии, где тоже по части рабства дело обстояло не так уж скверно, и тоскует по немецкому языку и по своим друзьям, — почему же ты хочешь отказать мне в этом? Спора нет, в Сейфвее больше продуктов, чем в Елисееве, и на машине легче ездить, чем в переполненном троллейбусе, — это не обсуждается (хотя ты понимаешь, что в письмах в Россию я стараюсь не останавливаться на преимуществах капиталистического строя, — на это у меня еще ума хватает). Но это не меняет того обстоятельства, что я помню больше из Грибоедова, чем из Шекспира, а если помню из Шекспира, то главным образом в русских переводах.

Теперь наиболее серьезный вопрос — Россия и Америка. Опять-таки я не могу в этом пункте присоединиться к Пастернаку, сказавшему (по другому поводу) «но сложное понятней им»⁶¹. Нет, простое — понятней. Простое это — в России все плохо (все рабы), в Америке все хорошо (демократия, можно выбирать президента). На самом деле все много сложнее. В принципе коммунизм предполагает подчинение человека государству (муравейник), капитализм — атомизацию общества и использование государства индивидуумом. Оппозиция старинная, вспомни знаменитую речь Перикла у Фукидида (перед началом Пелопоннесской войны: Спарта и Афины). Отвлечемся сейчас от великого человеческого искусства приспособляться: <...> Давай говорить о моделях, — это важнее. Ты в самом деле убеждена, что афинская модель лучше (всегда), чем спартанский муравейник? Мой подход более гибкий: я думаю, что есть времена, когда одна модель оказывается более плодотворной, и времена для процветания другой системы. Западно-римский аристократизм был беспомощным перед варварским натиском, тогда как константинопольский тоталитаризм кое-как уберег своих подданных от мрака варварства. Беспомощность американской армии дорого обошлась миллионам вьетнамцев и дорого обходится ливанцам в настоящее время, в то время как ни один террорист не решается занести руку над

⁵⁷ Жена сына А. П. Каждана.

⁵⁸ Вечеринки (англ.).

⁵⁹ Предварительный этап (нем.).

⁶⁰ Речь идет о книге: *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл: личность и творчество. К истории византийского предгуманизма. М.: «Наука», 1978. 283 с.

⁶¹ Цитата из стихотворения Бориса Пастернака «Волны» (сборник «Второе рождение», 1931 г.).

Жизнь ученого в эмиграции. Из эпистолярного наследия А. П. Каждана ...

советскими дипломатами, зная, что за это будет платить не он один, а сотни его близких. Увы, мы живем не на облаках, а на грязной и окровавленной земле, где давно уже пора подумать не о правах преступников, а о правах жертв. Ну, об этом надо книги писать.

Целую тебя. С.

11. Письмо А. П. Каждана Ф. фон Лиленфельд от 26 июля 1986 г.

Dumbarton Oaks, 26.VII.86

Дорогая Фэри,

не старайся утешить меня в отношении языка. Пусть язык Spiegel⁶² специфичен — ты знаешь это куда лучше меня, — но независимо от этой частной поправки, я теряю знание как немецкого, так и французского, и увы, не приобретаю настоящего знания английского. Плохо это или хорошо, я принадлежу к тем людям, которые знают свои пределы, свои слабости, и не строю иллюзий, будто я могу все. Недавно я закончил статью (довольно длинную), дал ее прочесть одному человеку, перепечатал; дал прочесть другому — было множество новых поправок. Я думал, что все кончено — но приехал один коллега, которого тема интересовала, я дал ему прочесть, и опять были дюжины поправок. Хорошо, я чищу рукопись, отсылаю в редакцию — опять появляется новый коллега, опять читаешь рукопись, и в результате я отсылаю целый лист дополнительных поправок! Я никого не виню, кроме себя — легче писать грамотно, чем править чужой текст, но можешь ли ты представить себе степень моего гнева (на себя), моего раздражения (самим собой)?

Ты обижаешься на меня за мое неверие в способность иностранца «вжиться» в русскую поэзию. Но ведь это же форма самокритики! В русской поэзии я считаю себя профессионалом: я писал вполне грамотные стихи и я никогда не терял способности оценивать их по достоинству (иногда я считал, что могу напечатать их — мальчиком я печатался вполне успешно, — но у меня было «лекарство»: стоило мне прочесть два-три стихотворения Пастернака или Цветаевой, как мое желание печататься пропало. Мне очень жаль, что у большинства так называемых поэтов, на Родине и в эмиграции, этот защитный механизм не работает). Так вот, русскую поэзию я, поверь мне, понимаю. Я не воспринимаю не только немецкую, но и английскую поэзию (хотя отдельные строчки до меня доходят, и это создает иллюзию причастности); весь сложный мир метафорики и словарной игры остается для меня закрытым. Может быть, есть люди сильной памяти, способные вобрать в себя новый язык в его цельности, — я не из их числа. Я не могу ни воспринять английскую поэзию как живую, ни выразить по-английски свое восприятие русской поэзии. Я никогда не позволю себе судить об английской (немецкой etc.) поэзии. Когда я ей радуюсь, это обычно значит, что я просто понял.

Это очень обидно, но это на том же уровне, что Данины обиды, когда он не может выиграть у меня в шахматы, даже имея фору ферзя и две ладьи. Но у Дани это придет, а у меня знание языка не придет никогда. Знание, достаточное для того, чтобы писать грамотно или всласть читать стихи.

<...> Всех благ тебе! Твой С.

12. Письмо А. П. Каждана Ф. фон Лиленфельд от 20 июня 1987 г.

Dumbarton Oaks, 20.VI.87

Дорогая Фэри,

<...> ты обвиняешь меня в ненависти к православному. Не обижайся, но глупее не скажешь. За долгие годы нашего знакомства, ты могла бы заметить, что у меня нет ни крохи ни национализма, ни сексизма, ни идеологической исключительности. Если я что и ненавижу, то это глупость и под-

⁶² Известный информационно-политический журнал Германии.

лость, и не моя вина, если «Новое русское слово»⁶³ печатает глупейшую и невежественную статью об Афоне. Кстати, на конференции, о которой эта статья, о. Мейендорф читал интересный доклад о Паламе (слава Богу, он-то Паламу знает), показав политический аспект паламизма, и я слова дурного не скажу ни о докладе, ни о Мейендорфе. Я против того, чтобы науку марали невежи, и, увы, православные священники (и в Греции, и в России, и в эмиграции) сильно уступают в науке их католическим и протестантским братьям и сестрам.

Нет, у меня нет предвзятости к религиозным людям. Посмотри, кто со мной работает в Словаре⁶⁴: Алис-Мэри Толбот⁶⁵ — религиозная женщина, Катерина Ткач⁶⁶ — последовательная католичка, Мейендорф в редколлегии, среди авторов Сидней Гриффис, священник; иезуиты — Тафт⁶⁷, Подскальский⁶⁸ etc. Никогда ни к кому я не относился хуже из-за того, что он немец или женщина или священник. Поройся в памяти, кто как не я опубликовал впервые в России (советской) статью с позитивной оценкой христианской культуры?⁶⁹ <...> Разве не я был единственным в Берлине, кто выступил против болгарского идиота, заклеившего христианство как «религию эксплуататоров»? Вы все сидели молча и терпели — и ты мне еще смеешь ставить в упрек пережитки атеизма или что-то в этом роде!

Для меня все дураки равны — евреи и немцы, атеисты и священники <...>. А есть, Фэри, люди, которые говорят: «Как, он был коммунистом? Ему нельзя доверять!» Или «Ах, он священник — значит, он чудный человек!» Я мерю людей по их достоинствам, а не по их нации, сексу или вероисповеданию. <...>

Немножко критического чутья, Фэри, не повредит никому. Твой всегда Саня.

13. Письмо А. П. Каждана Ф. фон Лиленфельд от 1 сентября 1987 г.

1.IX.87

Дорогая Фэри,

<...> Есть люди, для которых выход на пенсию благо, есть и другие, для которых это зло. Таким, к примеру, был Сюзюмов⁷⁰ — он просто не мог существовать без университета. <...>

Я сам со страхом думаю о пенсии. Если я выйду на пенсию, это будет означать нищету, жалкие квартирные условия и т. д. Я обязан тянуть так долго, как я смогу и как D[umbarton] O[aks] согласен будет меня терпеть. 5 лет у меня есть наверняка, а дальше...

Я прекрасно понимаю, что физически ты устаешь. Я не даю тебе советов, как жить — тебе самой выбирать. Я только хочу сказать, что люди нашего возраста должны уставать, и я со своими двумя инфарктами и тысячью мелких, несносных забот, и Муся с ее уроками, внуками, домом — мы все падаем с ног. Против возраста и болезней не попрешь. Ты, если хотела бы, могла сидеть весь день на крыльчке — ты этого не хочешь, и слава Богу.

<...> Все грустно, Фэри, — и здоровье (возрастное), и заботы (бытовые и по работе), и пессимистическое мировоззрение, а все-таки она вертится и *dum spiro, spero*⁷¹. Ничего. <...> Твой С.

⁶³ Газета, издававшаяся в Нью-Йорке в 1910–2010 гг. и публиковавшая сочинения русских эмигрантов.

⁶⁴ А. П. Каждан был главным редактором и вдохновителем монументального трехтомного словаря «Oxford Dictionary of Byzantium» (Oxford, 1991).

⁶⁵ Толбот Элис-Мэри — американский византинист, переводчик.

⁶⁶ Ткач Катерина Браун была проект-менеджером «Oxford Dictionary of Byzantium» в 1984–1988 гг.

⁶⁷ Тафт Роберт Фрэнсис (род. 1932) — архимандрит, американский литургист, богослов.

⁶⁸ Подскальский Герхард (1937–2013) — немецкий византинист, славист и богослов.

⁶⁹ Вероятно, в виду имеется статья: Каждан А. П. Христианство и духовная культура // Наука и религия. 1965. № 8. С. 8–16.

⁷⁰ Сюзюмов Михаил Яковлевич (1893–1982) — советский историк, основатель уральской школы византиноведения.

⁷¹ Пока дышу, надеюсь (лат.).

Фэри, родная моя,

спасибо за открытку. Я, действительно, давно не писала - как-то потеряла охоту к писанию писем. Раньше любила это: писала о делах византийских, в греческих книгах, о фильмах, которые видел. Сейчас вся моя жизнь сосредоточена на себе, на своих заботах, трудностях и горестях - а кому интересно выяснение намерения, даже обоснование? Постараюсь это все забыть.

Я живу и вроде как бы не живу: хожу на работу и вместе с тем не работаю, почти не работаю. Келлино - вроде не забыть греческий - читает Хомса и, наоборот, много читает по-английски. Я получила уже приглашение в Collège de France: спецкурс на будущий семестр - буду теперь готовиться к нему. Мамой решил взять Modern Problems of Byzantinology. Я, правда, не знаю, сколько лекций мы дадим, но даже продолжительности лекции - так это потом придется переживать, но во всяком случае я хочу написать экспонаты лекций, the outlines. Если ты не возражаешь, я пришлю тебе список - может быть, ты сможешь их потом послушать.

Письмо А. П. Каждана

Список литературы

1. *Bank A.* Byzantine Art in the Collections of Soviet Museums. Leningrad, 1977.
2. *Kazhdan A.* In Search for the Heart of Byzantium // *Byzantion*. 1981. Т. 51. Р. 320–332.
3. *Oxford Dictionary of Byzantium / ed. A. Kazhdan.* Oxford, 1991. Т. I–III.
4. *Банк А. В.* Искусство Византии в собраниях Советского Союза: Краткий путеводитель по выставке. Л., 1975. Т. 1–3.
5. *Брискина-Мюллер А. А.* Лиlienфельд Фэри фон // *Православная энциклопедия*. 2016. Т. 41. С. 65–67.
6. Жизнь, Церковь, наука и вера: Проф. Фэри фон Лиlienфельд рассказывает о себе и своем видении православия и лютеранства: Беседы с проф. Е. Верещагиным, 1996–2002. М., 2004.
7. Из писем А. П. Каждана // *Поляковская М. А.* Византия, византийцы, византинисты. Екатеринбург, 2003. С. 324–406.
8. *Каждан А. П.* Два дня из жизни Константинополя. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с. (Византийская библиотека. Исследования).
9. *Каждан А. П.* Вещь и среда в византийской культуре // *Декоративное искусство*. 1978. № 8. С. 31–41.
10. *Каждан А. П.* Концепция истории Византийской империи в трудах Г. А. Острогорского // *Византийский временник*. 1978. Т. 39. С. 76–85.
11. *Каждан А. П.* Никита Хониат и его время / подг. изд. Я. Н. Любарского, Н. А. Белозеровой, Е. Н. Гордеевой; предисл. Я. Н. Любарского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 544 с.
12. *Каждан А. П.* Христианство и духовная культура // *Наука и религия*. 1965. № 8. С. 8–16.
13. *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл: личность и творчество. К истории византийского предгуманизма. М.: «Наука», 1978. 283 с.
14. Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения / *отв. ред. А. А. Чекалова*. СПб., 2003.
15. *Михаил Пселл*. Хронография / пер., ст. и примеч. Я. Н. Любарского. М.: Изд-во «Наука», 1978. 320 с. (Памятники исторической мысли).
16. *Чекалова А. А.* Каждан Александр Петрович // *Православная энциклопедия*. 2012. Т. 29. С. 96–99.
17. *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.
18. Эпистолярное наследие А. П. Каждана / *публ. И. К. Эльдаровой* // *Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения* / *отв. ред. А. А. Чекалова*. СПб., 2003. С. 413–485.

Priest Maxim V. Sorokin

**LIFE OF A SCIENTIST IN EXILE.
FROM THE EPISTOLARY HERITAGE OF ALEXANDER PETROVICH
KAZHDAN AND FAIRY VON LILIENFELD**

Abstract

In this paper the personal correspondence of two prominent scientists — the Soviet and American Byzantinist Alexander Petrovich Kazhdan and the German church historian Fairy von Lilienfeld — is published for the first time.

Presented letters contain rather rich autobiographical material from the life and work of both scientists. Correspondence shows the strong and long-term friendship of the two people, who at times used to disagree in their scientific assessments and outlook.

The article consists mainly of the letters of A. P. Kazhdan written in Russian in the period after his emigration to the United States and devoted to his thoughts on the new in his life.

This publication complements his previously published letters to different people. The leitmotif of these letters is A. P. Kazhdan's experience of the difficulties of his new life in exile, as well as his satisfaction with new opportunities and the recognition in the academic world.

Keywords: *Alexander Petrovich Kazhdan, Fairy von Lilienfeld, Byzantine studies, Byzantology, Personal Correspondence, Emigration, America, Dumbarton Oaks.*

References

19. Bank A. *Byzantine Art in the Collections of Soviet Museums*. Leningrad, 1977.
20. Bank A. V. *Iskusstvo Vizantii v sobraniiax Sovetskogo Soiuza: Kratkii putevoditel' po vystavke* [Byzantine Art in the Collections of Soviet: A Brief Exhibition Guide]. Leningrad, 1975, vols. 1–3.
21. Briskina-Miuller A. A. Lilienfel'd Feri fon [Fairy von Lilienfeld]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [The Orthodox Encyclopedia], 2016, vol. 41, pp. 65–67.
22. Chekalova A. A. (ed.). *Mir Aleksandra Kazhdana: K 80-letiiu so dnia rozhdeniia* [The World of Alexander Kazhdan: For the 80th Anniversary of the Birth]. Saint Petersburg, 2003.
23. Chekalova A. A. Kazhdan Aleksandr Petrovich. *Pravoslavnaia entsiklopediia — The Orthodox Encyclopedia*, 2012, vol. 29, pp. 96–99.
24. El'darova I. K. (ed.) *Epistoliarnoe nasledie A. P. Kazhdana* [The Epistolary Heritage of A. P. Kazhdan]. *Mir Aleksandra Kazhdana: K 80-letiiu so dnia rozhdeniia* [The World of Alexander Kazhdan: For the 80th Anniversary of the Birth]. Saint Petersburg, 2003, pp. 413–485.
25. Kazhdan A. (ed.). *Oxford Dictionary of Byzantium*. Oxford, 1991, vols. I–III.
26. Kazhdan A. In Search for the Heart of Byzantium. *Byzantion*, 1981, vol. 51, pp. 320–332.

27. Kazhdan A. P. *Dva dnia iz zhizni Konstantinopolia* [Two days of the Constantinople life]. Saint Petersburg, Aletheia, 2002, 320 pp. (Vizantiiskaia biblioteka. Issledovaniia — The Byzantine Library. Researches).
28. Kazhdan A. P. *Khristianstvo i dukhovnaia kul'tura* [The Christianity and Spiritual Culture]. *Nauka i religiia — Science and Religion*, 1965, no. 8, pp. 8–16.
29. Kazhdan A. P. *Kontsepsiia istorii Vizantiiskoi imperii v trudakh G. A. Ostrogorskogo* [The Concept of History of the Byzantine Empire in the works of G. A. Ostrogorsky]. *Vizantiiskii vremennik — Byzantine yearbook*, 1978, vol. 39, pp. 76–85.
30. Kazhdan A. P. *Nikita Khoniat i ego vremia* [Nikita Choniates and his time] (eds.: Ia. N. Liubarsky, N. A. Belozerova, E. N. Gordeeva). Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2005. 544 pp.
31. Kazhdan A. P. *Veshch' i sreda v vizantiiskoi kul'ture* [The Thing and Surroundings in the Byzantine Culture]. *Dekorativnoe iskusstvo — Decorative Art*, 1978, no. 8, pp. 31–41.
32. Liubarskii Ia. N. *Mikhail Psell: lichnost' i tvorchestvo. K istorii vizantiiskogo predgumanizma* [Michael Psellos: Personality and Creative Work. On the History of Byzantine Pre-Humanism]. Moscow, Nauka, 1978, 283 pp.
33. Liubarsky Ia. N. (ed.). *Mikhail Psell. Khronografiia* [Chronography]. Moscow, Nauka, 1978, 320 pp. (Pamiatniki istoricheskoi mysli [Masterpieces of the Historical Thoughts]).
34. Poliakovskaia M. A. (ed.). *Iz pisem A. P. Kazhdana* [Fragments of A. P. Kazhdan's Letters]. *Poliakovskaia M. A. Vizantiia, vizantiitsy, vizantinisty* [Byzantium, the Byzantines and Byzantinists]. Ekaterinburg, 2003, pp. 324–406.
35. Shchapov Ia. N. *Vizantiiskoe i iuzhnoslavianskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv.* [The Byzantine and South-Slavic Legal Heritage in the Ancient Russia in the 11th–13th cc.]. Moscow, 1978.
36. *Zhizn', Tserkov', nauka i vera: Prof. Feri fon Lilienfeld rasskazyvaet o sebe i svoem videnii pravoslaviia i liuteranstva: Besedy s prof. E. Vereshchaginym, 1996–2002* [Life, Church, Science and Belief: Professor Fairy von Lilienfeld talks of herself and her own view of the Orthodoxy and Lutheran. Conversations with Professor E. Vereschagin. 1996–2002]. Moscow, 2004.